

МАРИЯ ЕСАКОВА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

 <http://orcid.org/0000-0002-7463-3172>**ЭЛЕФТЕРИОС ХАРАЦИДИС**

Фракийский университет имени Демокрита, Комотини, Греция

 <http://orcid.org/0000-0001-9383-0836>**СЦЕНЫ ЗАСТОЛЬЯ В РУССКИХ ОРИГИНАЛАХ И ПЕРЕВОДАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА БУЛГАКОВА)**SCENES OF MEAL IN ORIGINAL RUSSIAN TEXTS AND ITS TRANSLATIONS
(BASED ON TRANSLATIONS OF M.A BULGAKOV'S NOVELS)

When translating novels from one language into another, a translator faces several difficulties. This is primarily due to the differences in the mentality of various nations. A special area of the national mentality is the idea of a meal, feasts, which are some of the central spheres of human life. Understanding of these processes' identity is not an easy task for translators from a different cultural background. Comparing the Russian, Greek and French traditions of the meal, one finds many divergent elements in the sequence of the arrival of dishes on the table, in the composition of dishes, in the sets of dishes and table setting, etc. This article considers these fragments of text, which often cause difficulties for translators.

Keywords: literary translation, Mikhail Bulgakov, French language, Greek language, feast scenes

Художественный перевод всегда считался наиболее сложным среди всех видов перевода, так как при его осуществлении на первом месте стоит смысл сказанного, «душа» произведения, эмоции, вложенные автором и чувства, которые должен испытывать читатель, «погрузившийся» в книгу. От переводчика литературных произведений требуется не четкость в словах, а смысловая четкость и полнота. Главной задачей в переводе оригинального художественного произведения является передача не только информативной, но и эстетической функции художественного стиля.

Переводчик художественной литературы отчасти сам является автором, ведь он должен изложить на своем родном языке

ке произведение, написанное на другом, сделать его понятным и воспринимаемым для носителя другой культуры. Говоря о художественном переводе, Николай Гарбовский отмечает необходимость уделять особое внимание тому, какое впечатление оказывает на самих переводчиков выполненный ими перевод, «создает ли он то же настроение, вызывает ли те же эмоции»¹.

Главная задача переводчика — преобразовать текст оригинала в эквивалентный текст на иностранном языке. При переводе художественных произведений переводчик часто сталкивается с трудностями в донесении до читателя той или иной информации. Говоря о трудностях, с которыми сталкивается переводчик, Гарбовский верно отмечает то, что даже художник не способен в точности воспроизвести написанное им ранее полотно. Как же может переводчик воспроизвести то, что создал другой человек, в другой жизненной ситуации, в другом эмоциональном состоянии, да еще и средствами другого языка?²

Художественный перевод предполагает решение различных проблем. Это связано, прежде всего, с различиями менталитета отдельных наций. Разные культуры смотрят на предметы с различных точек зрения. Помимо этого, переводя художественный текст, необходимо учитывать, что в тексте перевода важную роль играет его прагматика, под которой мы понимаем отношение автора речевого произведения к высказыванию. В соответствии с принятой в современной семантике и лексикологии градацией прагматический аспект распространяется на само высказываемое суждение, на адресата и на описываемый предмет действительности — денотат³.

Особая область национального менталитета — это представления о трапезе, застольях, составляющих одну из центральных сфер жизни человека. Понимание своеобразия этих процессов является непростой задачей для переводчиков, носителей иной культуры.

В данной статье мы будем анализировать русскую, греческую и французскую традиции застолья, где обнаруживается множество несовпадающих элементов как в последовательности по-

¹ Н. Гарбовский, *Теория перевода*, Изд-во Моск. ун-та, Москва 2007, с.177.

² Там же, с. 178.

³ См.: Ю. Апресян, *Избранные труды*, т. 1: *Лексическая семантика*, Школа «Языки русской культуры», Москва 1995, с. 136–141.

ступления блюд на стол, так и в составе блюд, в наборах посуды и сервировке стола и т.п.

Одна из таких «проблемных» для переводчиков областей как для понимания, так и для последующего выражения на языке перевода, — это понятие русской закуски.

В русском языке слово «закуска» имеет несколько значений. Если оставить на некоторое время в стороне значение этого слова по действию глагола «закусывать», то останется два собственно предметных значения, которые могут быть интересны при анализе произведений Михаила Булгакова *Собачье сердце* и *Мастер и Маргарита* на французский и греческий языки.

Словарь русского языка определяет одно из значений слова «закуска» как «холодные кушанья для легкой еды»⁴. При этом он не уточняет, когда, в какой период трапезы они подаются на стол, хотя это значение легкой еды, подаваемой перед основными блюдами, хорошо известно практически каждому русскому. Второе значение, производное от первого, — это «то, чем закусывают, заедают что-либо выпитое (водку, вино)»⁵.

В первом значении слово «закуска» находит эквивалент во французском сложном слове «hors-d'oeuvre». В переводах на французский язык фрагментов текстов, описывающих данное явление, традиционно и систематически используется именно это слово. Французское «hors-d'oeuvre», в отличие от русского «закуска», имеет строгую временную обусловленность: начиная с XVII века, оно обозначает легкое холодное блюдо, подаваемое в начале трапезы перед тем, как подаются более серьезные, основные блюда.

Французское «hors-d'oeuvre» также определяет данный элемент как холодное блюдо, но привязывает его к определенной последовательности поступления блюд на стол: «petit plat froid que l'on sert au début du repas, avant le entrée sous le plat principal»⁶. Перевод же слова «закуска», употребленного во втором значении, иногда вызывает трудности.

Греческие переводы отражают особенности греческого восприятия данной сферы жизни человека. Насладиться совмест-

⁴ *Словарь русского языка в 4-ех томах*, Русский язык, Москва, 1981–1984, с. 535.

⁵ Там же.

⁶ *Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*, Le Robert, Paris, 1991, p. 851.

ной трапезой или просто выпить рюмку «узо» (анисовой водки) в сопровождении разнообразных закусок («ο μεζές»), пользуется у всех греков особым почтением. Для жителей Греции дружеское застолье как дома, так и в ресторане или таверне, является важным актом общественной жизни, имеющим глубокие корни в национальной культуре. И здесь хотелось бы упомянуть о том, что греческое слово «симпосион» (симпозиум) в буквальном переводе означает совместное питье.

«Симпосион» обычно составлял главную часть обеда — застолья с вином и закусками. Древнегреческая литература сохранила различные описания симпозиумов с представлением довольно интересного перечня десертных, холодных и горячих закусок⁷.

С течением времени перечень видоизменялся и обогащался. Каждая историческая эпоха оставляла свой отпечаток и на составе, и на названиях, и на процессе подачи закусок. Сегодня понятие «закуска» в греческом языке передается словами «ο μεζές, τα ορεκτικά, το προσφάι»: легкая закуска — «το κολατόσι»; холодные закуски — «τα κρύα φαγητά», на закуску — «για μεζέ» и т.д.⁸

Новогреческо-русский словарь приводит более богатый перечень определений греческому слову «ο μεζές»:

1) закуска; *μλεκρή μεζές* — острая закуска; *για μεζέ* — на закуску;

2) небольшое количество еды и др.

В словаре приводятся слово «το μεζεδάκι» с переводами на русский язык:

1) закусочка;

2) потроха ягненка (*чаще жаренные*).

Другое слово — «το μεζελίκι» — используется в следующих значениях:

1) изысканная закуска, деликатес,

2) закуски и др.⁹

Та же проблема возникает и в переводе на греческий язык. Какое слово из множества вышперечисленных греческих зна-

⁷ См.: Ф. Велишский, *История цивилизации: быт и нравы древних греков и римлян*, ЭКСМО-Пресс, Москва 2000, с. 277–286.

⁸ *Русско-новогреческий словарь*. Составитель А. А. Иоаннидис. Под редакцией Т. Пападопулоса и Д. Спатиса. Советская Энциклопедия, Москва 1966, с. 310.

⁹ И. Хориков, М. Малев, *Новогреческо-русский словарь*. Под редакцией П. Пердикиса и Т. Пападопулоса, Культура и Традиции, Москва 1993, с. 503.

чений должен подобрать переводчик, чтобы перевести русское слово «закуска», сохранив при этом идейно-эмоциональный смысл, который вложил в него автор? Чтобы ответить на поставленный вопрос, проанализируем значения слова «ο μεζές», указанные в греческих словарях.

Современный орфографический и толковый словарь греческого языка (далее СОТСГЯ) за 1961 год определяет одно из значений слова «ο μεζές» как «кушанье, большей частью мясное, преимущественно для возбуждения аппетита»¹⁰. Такое же определение слову «закуска» дает и *Большой толковый словарь русского языка* (далее БТСРЯ)» Д. Н. Ушакова¹¹.

СОТСГЯ в качестве второго значения приводит слова «ορεκτικόν» и «ορντβέρ». В словаре они даются в качестве синонимов к слову «ο μεζές». Первое слово «το ορεκτικόν» (сущ.) словарь определяет как «продукты или напитки, возбуждающие аппетит». Там же словарь приводит и другое слово «ορεκτικός, -η, -ο» (прил.), которое имеет значение «все то, что возбуждает аппетит»¹².

Словарь новогреческого языка с комментариями и правильным употреблением слов (далее СНГРЯ с КПУС) объясняет слово «το ορεκτικό» (сущ.) как:

1) «всякая еда, которую едят до основного блюда для возбуждения аппетита». В качестве примера в словарной статье приводится «ορεκτικοί μεζέδες» — «закуски, вызывающие аппетит» (можно перевести и как аппетитные закуски);

2) лекарство от анорексии. Прилагательное «ορεκτικός, -η, -ο» словарь определяет как «все то, что возбуждает аппетит»¹³.

Второе слово — «το ορντβέρ» в словаре СОТСГЯ приводится в качестве синонима к слову «ο μεζές»¹⁴. Словарь СНГРЯ с КПУС словом «το ορντβέρ» определяет всякие продукты питания, ко-

¹⁰ Σύγχρονον ορθογραφικόν-ερμηνευτικόν Λεξικόν της Ελληνικής Γλώσσας (Καθαρεύουσης-Δημοτικής), Επιμελήτης της ύλης: ο φιλόλογος Θεοκρ. Γούλας, Ο.Ε.Ε. «ΑΤΛΑΣ», Αθήνα 1961, с. 1215.

¹¹ Д. Ушаков, *Большой толковый словарь русского языка*, Современная редакция, Дом Славянской книги, Москва 2008, с. 188,

¹² Σύγχρονον ορθογραφικόν-ερμηνευτικόν Λεξικόν της Ελληνικής Γλώσσας..., с. 1411.

¹³ Γ. Μπαμπινιώτη, *Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας με Σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων*. ΚΕΝΤΡΟ ΛΕΞΙΛΟΓΙΑΣ Ε.Π.Ε, Αθήνα, 2008, с. 1065.

¹⁴ Там же, с. 1215.

торые предлагаются перед основным обедом или ужином. Помимо этого СНГРЯ с КПУС указывает на то, что слово это заимствовано из французского языка [*< hors-d'oeuvre*]¹⁵.

Общий словарь новогреческого языка (далее ОСНГЯ) определяет слово «ο μεζές» как: 1) «любое возбуждающее аппетит пикантное кушанье, которое обычно подается на стол небольшими порциями к спиртному перед основными блюдами» и 2) «маленькие порции пищи». Словарь дает этимологию слова, которое происходит от турецкого «meze –ς» и восходит к персидскому слову «maza» («вкус, аромат»)¹⁶.

Словарь новогреческого языка с комментариями и правильным употреблением слов слово «ο μεζές» определяет как 1) «с пикантным вкусом и возбуждающее аппетит кушанье, которое обычно подается небольшими порциями к спиртным напиткам» (например, котлетки, перец, сосиски, сыр-саганаки и др.). В качестве примера словарь приводит словосочетания «ούζο με μεζέ//πικάντικός, μερακίδικός, σαρακοστιανός» («узо с закусками //пикантными, изысканными, постными»); 2) «маленькое количество из изысканных основных блюд в качестве закуски для снятия пробы» (в смысле — возьми немного, попробуй, поешь); 3) «лакомство, вкуснятина»¹⁷.

Для последующего анализа переводов булгаковских текстов, на наш взгляд, немалый интерес представляют и однокоренные к «ο μεζές» слова. Первое из них «το μεζεκλίκι», «το μεζελίκι», которое словари определяют как: 1) «изысканная закуска, деликатес»; 2) «лакомство, вкуснятина». Второе — «ο μεζεκλής» (м.р.), «η μεζεκλού» (ж.р.) — «любитель (любительница) изысканных закусок, лакомств». Третье — «μεζεβολωλειο (το ουζερί», «το φαγάδικο») — «таверна, в которой к спиртным напиткам подаются различного вида закуски»¹⁸.

После анализа данных выше словарных статей можно сделать вывод, что по частотности употребления в греческом языке русскому слову «закуска» соответствует греческое слово «ο μεζές»

¹⁵ Там же, с. 979.

¹⁶ Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, Θεσσαλονίκη 1998, с. 833.

¹⁷ Γ. Μλαμπινιώτη, Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας..., с. 1065.

¹⁸ Подборка однокоренных слов, приведенных в абзаце, сделана из вышеуказанных словарей.

и производные от него слова, на которых в первую очередь должны сосредоточить свое внимание переводчики. На наш взгляд, предметные значения греческого слова могут быть сопоставимы со значением русского слова «закуска», при отсутствии однокоренного глагола в греческом языке.

Обратимся теперь к текстам булгаковских произведений *Собачье сердце* и *Мастер и Маргарита*.

Третью главу повести *Собачье сердце* автор начинает с описания сцены трапезы, в которой профессор Преображенский и его ассистент, доктор Борменталь, обедают. Со всей присущей Булгакову скрупулезностью, используя различные художественные средства и приемы, он создает атмосферу торжественности в столовой комнате. Несколько штрихов, несколько противопоставлений и читатель оказывается в столовой, обставленной человеком с тонким вкусом, которому не безразлично, что он ест, когда ест, где ест и как ест. «Маленький мраморный столик» автор противопоставляет «изрыгающему пучки стеклянного и серебряного света» «громадному дубовому буфету и тяжелому, как гробница столу» в центре комнаты. Естественно «маленький мраморный столик», который как бы случайно оказавшись между «громадным дубовым буфетом» и столом, похожим на гробницу, невольно привлечет внимание любого гостя профессора Преображенского. Тем более выпивка и закуски, которые с немалой скрупулезностью и со знанием вкуса хозяйина расположила на столике домработница Зина.

Далее Булгаков, чтобы выделить «маленький мраморный столик» на фоне массивности и внушительности декораций столовой, не жалеет красок, описывая все то, что находилось на нем. Несколько «тоненьких рюмочек» и «три хрустальных графинчика с разноцветными водками» на мраморном столике противопоставляются Булгаковым с тремя «темными бутылками» на накрытом «белой скатертью тяжелом обеденном столе».

Читая описания столовой, нам кажется, что Булгаков стремится выделить не сам мраморный столик, а то, что на нем. Ему не безразличны чувства и мысли читателя, которые возникают при прочтении этого отрывка. В этом эпизоде автор пишет о себе, о своем восприятии мира, о своем отношении к совсем, казалось бы, банальному, но важному действию жизнеобеспечения человека — принятию пищи. Его герой, как и он сам,

прекрасно знает, как это делать, с чего начать и чем закончить, а самое главное, как это происходит в среде той части общества, представителем которой является герой повести.

Последним штрихом, завершающим картину столовой комнаты, являются два прибора, салфетки на столе, свернутые в виде папских тиар. Здесь уместно подчеркнуть использование автором прилагательных, характеризующих цвет: *буфет, изрыгающий «пучки стеклянного и серебряного цвета, серебряное блюдо, белая скатерть»* и др. Изыск и вкус царит в столовой квартиры доктора Преображенского.

Вернемся «к маленькому мраморному столику» и содержанию на нем. В описании содержимого на столике Булгаков также использует прием противопоставления, чтобы выделить значимость *закусок* в процессе трапезы, а также показать их социально-философскую и временно-процессуальную суть. «Тонкие ломтики» нарезанной семги и маринованные угри, которые лежали на разрисованных райскими цветами с «черной широкой каймой» тарелках; «кусочек сыра со слезой на тяжелой доске, и в серебряной кадлушке, обложенной снегом, — икра», а между ними «графинчики с водкой разных цветов и несколько тоненьких» рюмочек. Указанный набор закусок противопоставляется главному блюду, о котором автор упоминает всего одним предложением («Засим от тарелок поднимался пахнувший *раками* пар...»). Таким образом, Булгаков, уютно расположив «закуску» на маленьком столике между массивным шкафом и огромным столом, предопределил ей роль отдельного самодостаточного обеда, который в предвкушении идейно наполненной философской беседы должен плавно перейти во второй не менее значимый обед за столом.

В своих произведениях Булгаков нередко описывает процесс обеда за «маленьким столиком», подчеркивая тем самым, то пространство, в котором локализуется определенный вид обеда, который присущ русской культуре. В смысле «что-то перекусить». Водка и хорошая закуска не только возбуждают аппетит, но и приводят в чувство после застолья с большим количеством выпитой водки и сытной еды. « Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке

и, наконец, водка в объемистом ювелиршином графинчике»¹⁹ и т.д.

Интересно отметить, что достаточно часто гастрономические паузы у Булгакова никак не вытекают из предыдущего развития событий. В текстах произведений они занимают обособленное место, предрекая события, которые должны стать воплощением тех идейно-философских умозаключений, которые были вынесены героями в процессе трапезы. Поэтому сама логика организации трапезы должна способствовать достижению поставленных автором целей. Каждая часть трапезы сопровождается соответствующей беседой. Как правило, трапеза начинается со спиртных напитков и закусок. При этом содержание беседы большей частью наполнено мыслями о самой еде, а приступая ко второй части основного обеда (или самодостаточного обеда), герои переходят к обсуждению философских, политических и социальных тем.

Надо отметить, что в основном ученые, исследующие творчество Булгакова, анализируя, в частности, роман *Мастер и Маргарита*, сосредоточились на его фантастической линии, воплощенной, прежде всего, в образах Воланда и его одержимых бурными страстями слуг. Однако произведения, предшествующие написанию «романа о дьяволе», мифологические, фольклорные, мистические, мотивные связи и возникающие на их основе смысловые ассоциации, в которых, быть может, менее очевидны, но отнюдь не менее интересны, зачастую оказываются незаслуженно обойденными вниманием литературоведов²⁰.

Первые страницы третьей главы повести пронизаны идеей триединства (триады) бытия, которую древние греки применяли в качестве философского конструирования: учение о трех царях, три начала и три ступени бытия, образец — демиург — материя, ум — душа — космос и многие другие. Это и три графинчика с разноцветными водками на мраморном столике и три темные бутылки на столе, которые ассоциируются с колбами в химической лаборатории. И трое за обеденным столом: демиург — профессор Преображенский, который собирается к сотворению но-

¹⁹ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, Юнацтва, Минск, 1988, с. 451.

²⁰ Е. Савина, *Мистические мотивы в прозе М. А. Булгакова («Собачье сердце»)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук, Москва, 2005. <http://www.dissercat.com/content/misticheskie-motivy-v-proze-ma-bulgakova-sobache-serdtse#ixzz3QJniHP0o> (20.09.2020).

вого человека. Образец — человек, в лице того же профессора и его ассистента, по образу и подобию которых он должен быть создан, и материя — собака Шарик — из которой создается творение демиурга.

В этой сцене трапезы профессор Преображенский после того, как он и его ассистент выпили по рюмке «простой русской водки», обращается к своему собеседнику со следующими словами:

Заметьте, Иван Арнольдович: холодными закусками и супом закусывают только недорезанные большевиками помещики. Мало-мальски уважающий себя человек оперирует с закусками горячими²¹.

В булгаковском тексте налицо коллизия многозначного существительного «закуска» и глагола «закусывать». Булгаков, противопоставляя нравы разных слоев русского общества (он сравнивает манеру еды помещиков и русской интеллигенции), сталкивает два антонимичных определения к слову «закуска»: горячая и холодная. Первые — закусывают водку холодными закусками и супом, а вторые — горячими закусками. Данная антиномия не может поставить в тупик русского читателя, несмотря на то, что словарь определяет «закуску» только как холодную еду. В современной русской кулинарии высокого качества горячие закуски уже давно не вызывают удивления. Они подаются в ресторанах или в гостях, после холодных закусок. Видимо, русские «горячие закуски» явились заимствованием французских «entrées chaudes». Но в булгаковском тексте «закуска» — это не столько очередное блюдо в определенной последовательности, сколько средство «закусить», то есть заесть выпитую водку. По сути, Булгаков рассуждает о том, чем лучше закусывать водку: горячими (но не супом) или холодными блюдами.

Во французском тексте данная ситуация описана так:

Remarque, Ivan Arnoldovitch, il n'y a que les propriétaires qui ne se sont pas encore fait égorger par les Bolchéviks pour manger des hors-d'oeuvre froids et de la soupe. Tout homme qui a un tant soit peu de respect humain sert les hors-d'oeuvre chauds²².

Во французском переводе русская «закуска» традиционно и последовательно передается формой «hors-d'oeuvre». Даже

²¹ М. Булгаков, *Собачье сердце*, Кристалл, Санкт-Петербург, 1998, с. 369.

²² М. Boulgakov, *Coeur de chien*, Gallimard, Paris, 1996, с. 39.

тогда, когда в русском тексте возникают «горячие закуски», переводчик остается верным этой форме и пишет «*hors-d'oeuvre chauds*», хотя эквивалентным можно считать «*entrées chaudes*», так как «*hors-d'oeuvre*» — это только холодные закуски. Иначе говоря, и в русской, и во французской кулинарных культурах основным блюдам могут предшествовать некоторые второстепенные, но их «подведение под классы» происходит по-разному: во французской культуре это «*hors-d'oeuvre*» (только холодные) и затем «*entrées*» (горячие или холодные), в том числе и суп; в русской культуре «закуски» могут быть и горячими, и холодными. Но они никогда не включают в себя суп. Суп — это первое блюдо, оно такое же основное, как и второе. Следует отметить, что в современной русской речевой традиции довольно часто происходит смешение обозначения основных этапов трапезы. В ресторане вас могут спросить: «Подать горячее?», имея в виду основное блюдо, хотя до этого вам могли принести и горячий «жульен», и горячий суп, или: «Нести второе?», хотя вы не заказывали и не ели первого, также имея в виду основное блюдо.

Таким образом, не всегда русское слово «закуска» возможно передать французским «*hors-d'oeuvre*».

«Закуска» может быть (по данному фрагменту текста) и холодное блюдо, и горячее блюдо, и даже суп. Главное, что это блюдо следует за выпитой рюмкой водки.

«*Hors-d'oeuvre*» — это определенное блюдо, занимающее конкретное место в последовательности подаваемых блюд. Таким образом, данные описания ситуации трапезы в оригинале и в переводе демонстрирует двойную асимметрию: на уровне реальных и на уровне валентности самих знаков.

Неэквивалентность французской формы «*hors-d'oeuvre*», регулярно встречающейся в текстах перевода для обозначения русского понятия «закуска», демонстрирует и следующий пример: «появление в спальне неизвестного, да еще с закуской и водкой»²³; «à l'apparition dans sa chambre de cet inconnu, accompagné, qui plus est, de hors-d'oeuvre et de vodka»²⁴.

Данная картина представляет Воланда, появившегося у Лиходеева с водкой и едой, выполняющей функцию «закуски», то есть едой, с точки зрения русской культуры использующейся для

²³ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, Юнацтва, Минск, 1988, с. 394.

²⁴ М. Boulgakov, *Le Maître et Marguerite*, Gallimard, Paris, 1997, с. 122.

«заедания» водки. Существительное «закуска» опять сочетается с существительным «водка».

Во французском тексте переводчик, используя слово «hors-d'oeuvre», представляет картину искаженной, так как делает упор именно на холодных, легких блюдах, за которыми обязательно должно следовать что-либо существенное.

«Закуска» же у Булгакова вполне самодостаточна. Она не предполагает продолжения еды. Воланд появился и с холодной закуской (маринованные грибы и икра), и с горячим блюдом («горячие сосиски в томате»).

Таким образом, русская «закуска» далеко не всегда может передаваться во французском языке словом «hors-d'oeuvre» без искажения фрейма. Видимо, в зависимости от описываемой ситуации для передачи смысла этого явления русской культуры целесообразно переводить слово «закуска» другими французскими именами, например «mets», «plat», «repas».

Подобные замены подсказываются следующим примером, так же иллюстрирующим обозначение состава блюд и их последовательности:

Подумать только — сорок копеек из двух блюд, а они, оба эти блюда, и пятиалтынного не стоят...²⁵.

Réfléchissez un peu: 40 copecks pour deux plats qui à eux deux n'en valent pas 15...²⁶.

Синтаксис данного русского словосочетания демонстрирует привычную форму профессионального жаргона работников питания. В этом словосочетании опущено несколько выводимых из контекста элементов: «стоит», «обед», «состоящий». Реконструированное высказывание могло бы иметь форму: «Подумать только — сорок копеек стоит обед, состоящий из двух блюд, а они, оба эти блюда, и пятиалтынного не стоят». Однако Булгаков использует словосочетание, две основные части которого: «40 копеек» и «из 2-ух блюд» не согласованы. В этом жаргонном словосочетании также заключен определенный социальный и культурологический компонент, который вряд ли может быть воспроизведен в переводе. Французский эквивалент «40 копеек за два блюда» («40 copecks pour deux plats») передает семантику

²⁵ М. Булгаков, *Собачье сердце*, Кристалл, Санкт-Петербург, 1998, с. 348.

²⁶ М. Boulgakov, *Coeur de chien*, Gallimard, Paris, 1996, с. 7.

словосочетания, но полностью нейтрализует социально-культурологический компонент.

Однако для нас интересно то, что переводчик, говоря о составе одного обеда, калькирует русское «два блюда» и переводит его как «deux plats». Имя «plat» в современном обиходе нередко означает основное блюдо, которое подается после закусок (*hors-d'oeuvre*) и первого, так сказать, вступительного, блюда «entrée». В меню многих французских закусочных, где подаются комплексные обеды (*formule rapide*), можно увидеть вывеску, примерно, следующего содержания: «1 entrée + 1 plat à 12 euros». Иначе говоря, в современной речи, а следовательно, и в сознании современных французов, слово «plat» ассоциируется главным образом с основным горячим блюдом. Оно вытеснило в обиходной речи словосочетания «plat principal», «plat de résistance».

Поэтому французское выражение «40 kopecks pour deux plats», использованное для описания данной ситуации, несколько двусмысленно, так как может создать впечатление об обеде, состоящим из двух горячих (по-русски, двух «вторых»). Французский читатель может задавать себе вопросы, хорошо это или плохо, много или мало, тем более, что стоимость обеда (40 копеек) для него тоже остается загадочной. Русский же фрейм отражает ситуацию весьма простой, даже убогой трапезы, состоящей из первого блюда (щи из солонины) и какого-то второго. Это типично русское меню содержит в себе определенную последовательность блюд, выраженную в их нумерации (первое блюдо, «первое», второе блюдо «второе»). Возможно, более точным было бы передать ситуацию в адаптированном виде («40 kopecks pour 1 entrée + 1 plat»; «40 kopecks la formule 1 potage et 1 plat») или же заменить слово «plat» словом «mets», в котором более отчетливо выражена сема последовательности поступления блюд на стол («Chacun des aliments qui entrent dans l'ordonnance d'un repas»²⁷).

В то же время использование переводчиком именно слова «plat» дает нам основание считать, что в ряде случаев это слово может быть более удачным эквивалентом для передачи значения русского слова «закуска».

Таким образом, русское слово «закуска» и французское «*hors-d'oeuvre*», регулярно используемое переводчиками в качестве его

²⁷ *Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*, Le Robert, Paris, 1991, с. 1081.

эквивалента, довольно часто обозначают различные фреймы. Различие заключается как в актантовом наборе (валентности) этих слов, так и в том, что они обозначают различные этапы трапезы, иначе распределенные во времени. Французская закуска «hors-d'oeuvre» — это абсолютное начало трапезы, все остальные блюда следуют за ней. Русская закуска — это не только еда, предваряющая основное блюдо, но и любая еда, следующая после выпитой водки. Такая закуска может неоднократно повторяться в течение одной трапезы. Оно может составить даже всю трапезу в целом.

В этом частном факте проявляется более общее различие французской и русской культурных традиций потребления пищи и напитков, то есть фрейма трапезы в целом: французы запивают еду вином, а русские заедают (закусывают) едой водку. Иначе говоря, последовательность потребления этих напитков противоположна в сравниваемых культурах.

Обратимся теперь к переводу данной сцены и фигурирующего в ней фрагмента трапезы — «закуска» — на греческий язык.

Трапеза начинается с питья водки и закусывания с одной целью — возбудить аппетит водкой и холодным обедом-закусками (или горячим обедом-закусками), а потом перейти к обеду с вином и горячим обедом-закусками (в повести супом из раков).

— Гм... — с интересом отозвался тятнутый, розовея от супа и вина...²⁸.

Χμ...», έκανε ο Μπορμενταλ με ενδιαφέρον, καθώς ρόδιζε το μάγουλό του από τη σούπα και κρασί²⁹.

В греческом переводе данная ситуация описана следующим образом:

Κι όμως Ιβάν Αρνολντοβίτς, σε παρακαλώ να σημειώσεις πως οι μόνοι άνθρωποι που τρώνε σήμερα τα hors-d'oeuvres κρύα είναι οι λίγοι ιδιοκτήτες που απομείνανε με χωρίς κομμένο λαϊμό. Ο οποιοσδήποτε, που έχει ακόμη κάποιο υπόλειμμα αυτοσεβασμού, τρώει ζεστά τ hors-d'oeuvres. (Και απ' όλα τα ζεστά hors-d'oeuvres στη Μόσχα, αυτό είναι το καλύτερο / А из горячих московских закусок — это первая)³⁰.

В греческом переводе русское слово «закуска» передается французским словом «hors-d'oeuvres» как в случае с горячи-

²⁸ М. Булгаков, *Собачье сердце...*, с. 557.

²⁹ Μ. Μπουλγκάκοφ, *Η καρδιά ενός σκύλου...*, с. 39.

³⁰ Там же, с. 39.

ми закусками, так и холодными (см. выше), что, скорее всего, связано с тем, что греческий перевод был сделан с английского текста³¹. Будь знаком переводчик с исходным текстом повести, он бы нашел немало греческих эквивалентов этому слову. Например, он мог перевести слово «закуски» греческим словом «το ορνιθέρ», которое, согласно нашему предпереводческому анализу (см. выше), можно считать в какой-то степени эквивалентным русскому «закуска».

Как в русской, так и греческой кулинарной культурах основным блюдам могут предшествовать второстепенные — закуски, горячие и холодные. А вот *суп* в греческой действительности — это отдельное блюдо, которое подается не как первое, а как основное блюдо. Кстати, он также в начале трапезы может сопровождаться как горячими, так и холодными закусками. В нашем случае «закуска» — это не столько очередное блюдо в определенной последовательности, сколько средство «закусить», т.е. заесть выпитый спиртной напиток (в повести — вино и суп из раков). По сути, Булгаков рассуждает о том, чем лучше закусывать водку: горячими (но не супом) или холодными блюдами. Функциональное различие дополняется пространственным: автор распределяет водку и закуску на отдельном столике, о чем было сказано выше. Значит, «закуской», исходя из данного фрагмента текста, может быть и холодное блюдо, и горячее, и даже суп. Главное то, что это блюдо следует за выпитой рюмкой водки. Однако в тексте весь обед Булгаков разбивает на две основные части: водка и закуски, о которой мы сказали выше, и вторая — вино и суп из раков в качестве закуски.

Между тем в толковом словаре английского языка слово «*hors d'oeuvre*» объясняется, с одной стороны, как часть большого обеда, а с другой — как начальная небольшая часть обеда (also *starter* British English, *appetizer* American English/также как закуска в английском Англии, аперитив в английском языке США). В словаре в качестве примера приводится «маленькая тарелка

³¹ “So I should think . . . Kindly note, Ivan Arnoldovich, that the only people who *eat cold hors d'oeuvres* nowadays are the few remaining landlords who haven't had their throats cut. Anybody with a spark of self-respect takes his *hors d'oeuvres* hot. And of all the *hot hors d'oeuvres* in Moscow this is the best. Once they used to do them magnificently at the Slavyansky Bazaar restaurant. There, you can have some too.” См. М. Bulgakov, *The Heart of a Dog*. Complete text of the novel in English. Translated by Michael Glenny, <http://www.masterandmargarita.eu> (15.10.2020).

с закуской, состоящей из оливок и зажаренных кусков свеклы». Современный словарь английского языка слово «hors d'oeuvre» определяет как небольшое количество еды, которое подается до основного обеда. Слово «hors d'oeuvre» английский язык заимствует из французского языка в 18 веке³². А англо-русский словарь Мюллера переводит указанное слово как «закуска».

Помимо этого, в английском языке достаточно много других слов со значением «закуска»: «snack» («закуска, легкая закуска, что-либо легко достижимое»); «appetizer» («закуска»); «refreshment» («отдых, закуска, подкрепление, освежающий напиток, восстановление сил, что-либо освежающее силы»); «refection» («закуска»); «collation» («сопоставление, сличение, сравнение, закуска, легкий ужин, количественная характеристика»); «morsel» («кусочек, закуска, вкусное блюдо»); «relish» («удовольствие, склонность, наслаждение, приправа, соус, закуска»); «hors d'oeuvre» («закуска, что-либо необычное») и т.д.

Появление слова «hors d'oeuvre» в греческом переводе в качестве эквивалента «закуске» связано со словом «hors d'oeuvre» в значении «закуска, что-либо необычное», но никак не в том значении, в каком использует слово «закуска» автор повести.

На наш взгляд, самым подходящим для перевода русского слова «закуска» является греческое слово «ο μεζές», которое словари определяют как «кушанье с пикантным вкусом и возбуждающее аппетит, которое обычно подается небольшими порциями к спиртным напиткам (например, котлетки, перец, сосиски, сыр-саганаки и др.)» (см. выше).

Эту переводческую проблему, будучи хорошо знакомыми с тонкостями русской культуры застолья, успешно разрешили переводчики *Мастера и Маргариты*, о чем говорит вполне адекватный перевод отрывка, приводимого ниже:

Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской³³.

Το μόνο που θα σας συνεφέρει είναι δυο ποτηράκια βότκα με λικάντικο ζεστό μεζές³⁴.

³² См. *Английский толковый словарь*: meal — parts of a large meal, hors d'oeuvre (also starter British English, appetizer American English) the small first part of a meal: a tempting plate of hors d'oeuvres including olives and small pieces of roast beetroot. http://envoc.ru/code/en_tlk.php?find_wrd=meal (10.11.2020).

³³ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, Юнацтва, Минск, 1988, с. 450.

³⁴ М. Μπουλύκακοφ, *Ο Μαιτρ κα η Μαργாரίτα. Μυθιστόρημα...*, с. 86.

СЦЕНЫ ЗАСТОЛЬЯ...

Те, кто пробовал эти закуски, мысленно восторгался их изысканностью. В качестве эквивалента булгаковской водке с закусками можно употребить и «ουζο με μεζέ» («узо с закусками»). Однако слово «узо» полностью искажило бы культурную, смысловую и эмоциональную нагруженность авторского текста. Именно ту нагруженность, которую несет в себе слово «водка», что видно из высказываний гурмана Преображенского в адрес этого напитка.

И если хотите послушаться доброго совета: налейте не английской, а обыкновенной русской водки. [...] Бог с вами, голубчик, — отозвался хозяин. — Это спирт. Дарья Петровна сама отлично готовит водку [...] А водка должна быть в 40 градусов, а не в 30³⁵.

And if you want a piece of good advice, don't touch the English vodka but drink the ordinary Russian stuff. [...] 'Bless you, my dear fellow,' replied his host, 'it's pure alcohol. Darya Petrovna makes the most excellent homemade vodka. [...] Vodka should be at least 40 degrees, not 30 — that's firstly³⁶.

Και αν θέλεις μια καλή συμβουλή, μη βάλεις γουλιά στο στόμα σου από τη Еγγλέζικη βότκα, μόνο πιες το συνηθισμένο Ρώσικο πράγμα!» «— Στην υγεία σου, αγαπητέ μου φίλε», απάντησε ο οικοδεσπότης του, «είναι καθαρό οινόπνευμα! Η Ντάρια Πετρόβνα κάνει την πιο εξαιρετική σπιτική βότκα!» [...] «Η βότκα θα 'πρεπε να 'ναι τουλάχιστο εκατό βαθμών, όχι ογδόντα — αυτό είναι πρώτο³⁷.

Сравнивая переводы отрывков — английский и греческий, выполненный с английского языка, — с оригиналом, можно написать отдельную статью. По всей видимости, с национальным, народным, русским напитком переводчики мало знакомы. Между тем, греческая домашняя водка («узо», «ципуρο») тоже 40 градусов (в греческом тексте становится 100 градусов!) и вместе с «закуской» — это «ουζο με μεζέ» («узо с закусками»). Помимо сказанного, в греческой действительности узо (или ципуро) домашнего приготовления, как и в русской культурной традиции водка, высоко оценивается гурманами.

А вот перевод подобной ситуации, описанной в романе *Мастер и Маргарита*, сделан безукоризненно. Скорее всего, это связано с хорошим знанием русской кулинарной культуры (и не только), которая в нашем случае почти полностью совпадает

³⁵ М. Булгаков, *Собачье сердце...*, с. 556.

³⁶ М. Bulgakov, *The Heart of a Dog*. Complete text of the novel in English. Translated by Michael Glenny. From the archive section of *The Master and Margarita*. Webmaster: Jan Vanhellemont, Klein Begijnhof 6, B-3000 Leuven. <http://www.masterandmargarita.eu> (09.09.2020).

³⁷ М. Μλουγκάκοφ. *Η καρδιά ενός σκύλου...*, с. 38–39.

с греческой: «появление в спальне неизвестного, да еще с закуской и водкой»³⁸; «και ειδικά η εμφάνιση αυτού του άγνωστου στην κρεβατοκάμαρά του, μαζί με το μεζέ και τη βότκα...»³⁹.

Таким образом, в греческом переводе повести *Собачье сердце* переводчик во всех случаях, говоря о «закуске», использует французское слово «hors d'oeuvre», а в переводе романа *Мастер и Маргарита* — слово «ο μεζές», что, на наш взгляд, является наиболее подходящим для описания этого фрагмента трапезы.

Русский глагол «закусить» также не менее интересен. Перевести его на французский язык без искажения смысла или, во всяком случае, без значительных потерь практически невозможно. В греческом переводе неоднозначная ситуация.

Итак, вернемся к примеру из повести *Собачье сердце*: «Заметьте, Иван Арнольдович». Вместо конкретного русского глагола «закусывать» во французской версии появляется широкозначный глагол «manger» («есть»). На первый взгляд, трансформация представляется обоснованной: известно, что французская речь отличается от русской именно тем, что в ней чаще используются абстрактные, общие глаголы. Но в данном случае налицо изменение актантовой модели глагола. Русский глагол «закусывать» предполагает три актанта: 1) кто закусывает (субъект), 2) что закусывает (водку, т.е. актант причины действия), 3) чем закусывает (закуска — объект).

Французский же глагол предполагает только два актанта: 1) кто ест (субъект) и 2) что ест (объект). Поэтому генерализирующая замена не совсем адекватна.

Глагол «закусить», так же как и глаголы «запить», «заесть» и т.п., обозначает действие, следующее за каким-либо другим действием, то есть во временной шкале он оказывается на втором месте. Сема вторичности заключена в приставке «за-». Из двух составляющих целое процесса он часто идет за вторым, чтобы нейтрализовать или ослабить негативное ощущение от первого процесса. Есть у этого глагола и еще одна особенность, отличающая его от глаголов той же парадигмы «заесть», «запить», «зажевать». В отличие от них, глагол «закусить» связан с употреблением крепких спиртных напитков (в частности, водки). Иначе говоря, он имеет дополнительное значение:

³⁸ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 394.

³⁹ Μ. Μλουλάκοφ, *Ο Μαιτρ κα η Μαργάρита...*, с. 87.

устранить некоторое жжение во рту после употребления водки и уменьшить ее опьяняющее воздействие.

Но эта функция глагола «закусить» никак не покрывается со значением более широкого французского глагола «manger», обозначающего всякое потребление пищи, независимо от употребления спиртных напитков. Хорошо известно, что во время еды французы, в отличие от русских, не пьют крепких напитков, они едят, запивая еду вином. Русское же застолье, наоборот, представляется как «заедание» (то есть «закусывание») того, что было выпито. Иначе говоря, последовательность двух составляющих частей единого процесса в русской и французской культурах застолья представляется как прямо противоположная. Временной аспект несоответствия дополняется причинно-следственным: русские водку закусывают, чтобы нейтрализовать ее эффект (жжение во рту, опьянение), а французы запивают вином, чтобы акцентировать вкус пищи.

Именно в силу этих причин картина, нарисованная во французском тексте, кажется разорванной, как бы состоящей из двух, независимых действий, не соединенных между собой причинно-следственными отношениями: отдельно выпить водки и отдельно поесть. Необходимая логическая связь между этими действиями, характерными для русской культуры, совершенно утрачивается.

Обратимся теперь к греческому переводу этой сцены.

Вместо конкретного русского глагола «закусывать» в греческой версии также появляется широкозначный глагол «λαίρω» (брать) в сочетании с существительным «ο μεζές». Греческий глагол, подобна французскому глаголу «manger» (в отличие от русского глагола «закусить»), предполагает два аканта: 1) кто берет (субъект) и 2) что берет (объект). Поэтому генерализация будет не совсем адекватна и в греческом переводе.

Функция глагола «закусить» никак не покрывается со значением более широкого греческого глагола «λαίρω», обозначающего всякое действие, связанное с тем, что приближаешь к себе, присваиваешь. Знаменательна в этом плане повседневная бытовая фраза «θα σε λάρω», буквально «я тебя возьму», и все, кому это говорят, ждут от автора этих слов телефонного звонка. А в сочетании со словами «πρωινό» (завтрак), «μεζέ» (закуска) и т.д. глагол «λαίρω» эквивалентен русским глаголам «позавтракать», «закусить». Что касается греческого застолья, то оно

мало чем отличается от русского (см. описание русского застолья в этом фрагменте текста).

Вероятно, разница заключается в том, что на востоке появилось «узо» (крепкий спиртной напиток с добавлением аниса), чтобы устранить «жжение во рту» и сделать более приятным его употребление и «уменьшить его опьяняющее воздействие». И поэтому оно служило в качестве возбуждающего аппетит спиртного напитка, который предполагал последующее «заедание» (т.е. «закусывание»). Часто в начале застолья, перед тем как выпить первую рюмку, желают всем за столом здоровья и приятного аппетита. Сегодня в Греции из огромного числа различных ресторанов большей популярностью пользуются так называемые «Узери», где к «узо» можно заказать различного вида горячие и холодные закуски: мясные, морепродукты, пикантные, постные и т.д.

Говоря о разности в «последовательности составляющих частей единого процесса» в русской и греческой культурах, можно сказать, что греки закусывают, потому что у них разыгрывается аппетит после выпитого узо.

В греческом тексте, несмотря на некоторые неточности в переводе, логическая связь между действиями сохранена.

Рассмотрим еще одну сцену, где фигурирует глагол «закусить», но уже из романа *Мастер и Маргарита*. Это сцена появления Воланда у Лиходеева:

Прыгающей рукой поднес Степа стопку к устам, а незнакомец одним духом проглотил содержимое своей стопки. Прожеывая кусок икры, Степа выдал из себя слова:

— А вы что же... закусить?

— Благодарствуйте, я не закусываю никогда, — ответил незнакомец и налил по второй»⁴⁰.

«D'une main tremblante, Stepan porta son verre à sa bouche, tandis qu'il inconnuivait le sien d'un trait. Après avoir mastiqué un peu de caviar, Stepan accoucha de ces mots:

— Et vous, que... mangez pas?

— Mille grâces, je ne mange jamais, répondit l'inconnu, et il versa à chacun un second verre»⁴¹.

Глагол «закусить» традиционно во французском переводе представлен глаголом «*manger*» (перевод осуществлен другим

⁴⁰ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*..., с. 345

⁴¹ М. Boulgakov, *Le Maître et Marguerite*..., 1997, с. 122.

переводчиком), хотя и здесь этот глагол имеет несколько иное значение: в нем также отчетливо проявляется сема последовательности действий. Французский глагол, не имеющий этой семы, передает весь процесс трапезы в упрощенном виде. Но эта утрата в той или иной мере компенсируется всем контекстом: персонажи пьют водку и едят. Учитывая известную «абстрактность», свойственную французам в отражении действительности, можно допустить, что последовательность шагов и логическую связь между ними читатели домыслият сами. Но использование широкозначного глагола «manger» существенным образом изменяет психологический портрет центрального персонажа — Воланда. У Булгакова на вопрос Степы: «А вы что же закусить?» — он отвечает: «Я никогда не закусываю». Во французской же версии получается, что он вообще никогда не ест: «А вы как-же... поесть? — Я никогда не ем», — заявляет французский Воланд. У Булгакова Воланд, не закусывающий после выпитого, предстает как определенный стереотип русской культуры, уподобляясь человеку выносливому, способному много выпить (ср. русское выражение «после первой не закусывают», а также портрет Соколова в рассказе Шолохова *Судьба человека*). В этом фрагменте очевидна ирония автора по отношению и к данному стереотипу, и к неумеренному потреблению алкогольных напитков, часто сопровождаемому бравадой. Во французской же версии Воланд принимает иные очертания: это мистическое существо, которое никогда не ест. Булгаковская ирония в отношении некоторых русских традиций, связанных с употреблением спиртных напитков, оказывается стертой.

Данное весьма существенное семантическое расхождение также имеет в своей основе культурологическую асимметрию, заключающуюся в том, что русская традиция предполагает потребление крепких алкогольных напитков с большим содержанием спирта, то есть напитков обжигающих и способных вызвать сильное опьянение. Это резкое физическое и психологическое воздействие необходимо сразу же нейтрализовать или хотя бы уменьшить. В этом и заключается функция действия, обозначенного глаголом «закусить». Позволить себе не делать этого могут только очень выносливые, физически сильные люди.

Таким образом, описанная межъязыковая и межкультурная асимметрия — «закусывать = \= manger» — ставит под сомнение возможность использования этих глаголов в качестве со-

ответствий. В данном случае мы оказываемся в ситуации, когда генерализация, как основной прием переводческой замены, позволяющий обозначить с помощью родового имени несуществующее в иной культуре понятие, оказывается несостоятельным.

Французские переводчики, ощущая эту несостоятельность, иногда пытаются найти иные соответствия для обозначения этого сложного в силу описанной выше национально-культурной специфики, явления. Глагол «закусить» вызывает у них затруднения практически во всех случаях его появления в тексте.

— [...] кое-кто уже вернулся к своему столику и — сперва украдкой, а потом и в открытую — выпил водочки и закусил⁴².

— Охота была эту баланду хлебать. Поехал домой, выпил как следует, **закусил**, хорошо!⁴³

В данных фрагментах текста, переводя глагол «закусить», переводчик уходит от генерализации и использует выражение «*casser la croûte*», устойчивое словосочетание, которое обозначает «есть, как правило, наспех, на бегу» (ср. «*casse-crouste*» — «легкая еда, потребленная обычно быстро, на бегу, иногда даже стоя» («*sur le pouce*»)).

Данное выражение также не передает особенности русского глагола «закусить», так как этот русский глагол не предполагает ни поспешности в еде, ни легкости блюда (см. о глаголе «закусить»).

В греческом переводе данная ситуация представлена иначе. В качестве эквивалента к глаголу «закусить», который, как мы отметили, важен не только для понимания самого действия, но и для определенной характеристики персонажей, переводчик использует вполне подходящее для данной ситуации существительное «μεζεδάκι;» с вопросительной интонацией («;» в греческом — это вопросительный знак «?», т.е. ;=? , см. ниже), что вполне естественно в диалогической речи для подобных ситуаций. Кстати, переводчик в данном случае использует производное от «μεζε» «μεζεδάκι», что в высказывании с вопросительной интонацией дословно означает: «возьми/возьмите что-то на закуску, закусите чем-то или а! закусить?!». Ответ также звучит

⁴² М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 328.

⁴³ Там же, с. 438.

СЦЕНЫ ЗАСТОЛЬЯ...

четко и внятно на греческом языке. Переводчик переводит: «δεν παίρνω ποτέ μεζέ» (см. ниже). Словосочетание «ποτέ μεζέ» в обратном переводе звучит как «не беру никогда закуску» и вполне понятно греку, читающему *Мастера и Маргариту*. Вот перевод этого отрывка:

Με χέρι που έτρεμε ο Σπίοτα έφερε το ποτήρι στα χέιλη του και ο άγνωστος με μια ρουφηξιά άδειασε το δικό του ποτηράκι. Μασουλώντας το χαβιάρι του, ο Σπίοτα κατάφερε να προφέρει:

— Κε εσείς... μεζεδάκι;

— Ευχαριστώ, δεν παίρνω ποτέ μεζέ, απάντησε ο άγνωστος και γέμισε για δεύτερη φορά τα ποτήρια⁴⁴.

То есть в этих фразах отчетливо появляется сема последовательности действий (выпили, а потом закусили). В переводе подобных сцен, где фигурирует глагол «закусить» в романе *Мастер и Маргарита*, переводчик точен. Ему удается точно следовать авторскому тексту и передать мысли автора.

Это подтверждается и другими эпизодами (которые мы приводили выше), где встречается глагол «закусить»:

[...] кое-кто уже вернулся к своему столику и — сперва украдкой, а потом и в открытую — выпил водочки и закусил⁴⁵.

[...] και κάποιοι είχαν επιστρέψει κιόλας στα τραπεζάκια τους και, στην αρχή στα κρυφά και μετά ανοιχτά, κατέβασαν τη βότκα τους και πήραν μεζέ⁴⁶.

В данном примере глагол «παίρνω» в сочетании «παίρνω μεζέ» (= *закусывать*) использован переводчиком в совершенном виде прошедшего времени «πήραν», что является вполне обоснованным.

Проведенный анализ описаний трапезы представленной в произведениях Булгакова и их переводов на греческий и французский языки показал, что читатели переводных произведений, будь то греки или французы, видят русское застолье исключительно сквозь призму собственных представлений о том, как едят люди. Закономерно возникает вопрос о том, способен ли перевод передать эффект от предметных ситуаций, описанных в оригинале, в данном случае от глуттонических сцен, которые предстают как ситуативные реалии русской культуры.

⁴⁴ М. Μλουγκάκοφ, *Ο Μαιτρ κα η Μαργαρίτα...*, с. 86.

⁴⁵ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 328.

⁴⁶ М. Μλουγκάκοφ, *Ο Μαιτρ κα η Μαργαρίτα...*, с. 68.

Трапеза, застолье, еда — это то универсальное, свойственное каждому человеческому существу, которое получает уникальную реализацию в разных обществах, разных климатических условиях, в разных обстоятельствах общественной жизни.

Это «разное» в «универсальном» еще раз заставляет нас задуматься о главной задаче переводчика — позволить людям как можно более полно понять друг друга.

REFERENCES

- Apresyan, Yurii. *Izbrannye trudy*. T. 1: *Leksicheskaya semantika*. Moskva: Shkola «Jazyki russkoj kultury», 1995: 136–141 [Апресян, Юрий. *Избранные труды*. Т. 1: *Лексическая семантика*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995: 136–141].
- Velishskij, Frantishek. *Istoriya civilizacii: byt i nrawy drevnih grekov i rimlyan*. Moskva: EKSMO-Press, 2000: 277_286 [Велишский, Франтишек. *История цивилизации: быт и нравы древних греков и римлян*. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000: 277–286].
- Garbovskij, Nikolay. *Teoriya perevoda*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007 [Гарбовский, Николай. *Теория перевода*. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2007].
- Savina, Elena. *Misticheskie motivy v proze M. A. Bulgakova ("Sobach'e serdce")*: avtorefrat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni k.filol.n, Moskva: 2005 <http://www.dissercat.com/content/misticheskie-motivy-v-proze-ma-bulgakova-sobache-serdtse#ixzz3QJniHP00> [Савина, Елена. *Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова («Собачьё сердце»)*: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд.филол.наук, Москва, 2005. <http://www.dissercat.com/content/misticheskie-motivy-v-proze-ma-bulgakova-sobache-serdtse#ixzz3QJniHP00>].

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

- Slovar' russkogo yazyka v 4-ekh tomakh*. Moskva: Russkij yazyk, 1981–1984 [*Словарь русского языка в 4-ех томах*. Москва: Русский язык, 1981–1984].
- Ushakov, Dmitrii. *Vol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Dom Slavyanskoj knigi, 2008 [Ушаков, Дмитрий. *Большой толковый словарь русского языка*. М.: Дом Славянской книги, 2008].
- Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris: Le Robert, 1991.
- Synkhrónon Rosoellínikón Lexikón*. [Συγχρόνον Ρωσοελληνικόν Λεξικόν]. Из-во «ΔΙΑΓΟΡΑΣ» (MADESON). *Pereizdannij Russko-novogrecheskij slovar'*. Sostavitel' A.A. Ioannidis. Pod redakcyey T. Papadopulosi i D. Spatisa. Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1966. [Переизданный *Русско-новогреческий словарь*'. Составитель А. А. Иоаннидис. Под редакцией Т. Пападопулоса и Д. Спатиса. Москва: «Советская Энциклопедия», 1966].
- Horikov, Ivan, Malev, Mihail. *Novogrechesko-russkij slovar'*. Ed. P. Perdikis, and T. Papadopulos. Moskva: Kul'tura i Tradicii, 1993 [Хориков, Иван, Малев,

ΣЦΕΝΗ ΖΑΣΤΟΛЬЯ...

- Μιχαήλ. *Νοβογρεческо-русский словарь*. Ed. Π. Περδικις, and Τ. Παπαδόπουλος. Μόσκη: Κουλτούρα и Τραδιции, 1993].
- Sýnchronon orthografikón-ermíneftikón Lexikón tis Ellinikís Glóssis* (Katharévousis-Dímotikís), Epimelítis tísýlis: o filólogos Theokr. Goýlas, O.E.E. «ATLAS», Athína, 1961 [Σύγχρονον ορθογραφικόν-ερμηνευτικόν Λεξικόν της Ελληνικής Γλώσσας (Καθαρεύουσας-Δημοτικής), Επμελητής της ύλης: ο φιλόλογος Θεοκρ. Γούλας, из-во O.E.E. «ΑΤΛΑΣ», Αθήνα, 1961].
- Vampiniótī. Lexikó tis Néas Ellinikís Glóssas Meschólia gia tī sostí chrísī ton léxon.* Athína: KENTRO LEXILOGIAS E.P.E. 2008 [Μπαμπινιώτη. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας με Σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Αθήνα: из-во KENTPO ΛΕΞΙΛΟΓΙΑΣ E.Π.Ε. 2008].
- Lexikó tis Koinís Neoellinikís. Aristotéleio Panepistímiothessaloníkīs.* Instituto Neoellinikónspoudón Thessaloníkī: Ídryma Manóli Triantafyllídi, 1998 [Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 1998].
- Bulgakov, Mihail. *Master i Margarita*. Minsk: «Ynactva», 1988 [Булгаков, Михаил. *Мастер и Маргарита*. Минск: «Юнацтва», 1988].
- Bulgakov, Mihail. *Sobach'e serdce*. SPb: Kristall, 1998 [Булгаков, Михаил. *Собачье сердце*. СПб: «Кристалл», 1998].
- Boulgakov, Mikhaíl. *Le Maitre et Marguerite*, Paris: Gallimard, 1997.
- Boulgakov, Mikhaíl. *Coeur de chien*. Paris: Gallimard, 1996.
- Bulgakov, Mikhail. *The Heart of a Dog*. Complete text of the novel in English. Translated by Michael Glenny. From the archive section of *The Master and Margarita*. Webmaster: Jan Vanhellemont, Klein Begijnhof 6, B-3000 Leuven <http://www.masterandmargarita.eu>.
- Boulgákof, Mikhaíl. *O Maitr ka ī Margarita*. Mythistórima, Athína: Ekdóseis-themélio, 1991 [Μπουλγκάκοφ, Μιχαήλ. *Ο Μαιτρ κα η Μαργαρίτα. Μυθιστόρημα*, Αθήνα: Εκδόσεις Θεμέλιο, 1991].
- Boulgákof, Mikhaíl. *Ī kardiá enós skýlou*, Athína: Ekdóseis Stokhastís, 1983 [Μπουλγκάκοφ, Μιχαήλ. *Η καρδιά ενός σκύλου*, Αθήνα: Εκδόσεις Στοχαστής, 1983].